

Проблемы

СИНДРОМ ОТЛИЧНИКА

Беда, которая заставляет задавать школе самые жёсткие вопросы

Е. ИВАНИЦКАЯ

Величайший сыщик всех времён и народов Шерлок Холмс не знал, что Земля круглая. Какие у него, интересно, были в школе оценки по географии?

Недавно мне пришлось столкнуться с тем, что взрослый человек, успешный, увлечённо работающий и высокооплачиваемый дизайнер, не знал, почему на Земле происходит смена времён года. Как это выяснилось? Случайно. В выпуске новостей сообщили о катастрофических пожарах в лесах Австралии, а он вслух удивился такому странному для январских снегов и морозов бедствию. Слово за слово... Он не подозревал, оказывается, что в южном полушарии сейчас лето, и не задумывался, почему, собственно, лето сменяется зимой.

Вопрос показался ему интересным. Он с любопытством выслушал объяснения про наклон земной оси. Азартно покрутил сынишкин мячик вокруг торшера, а потом со смехом спросил, откуда мне-то известны такие премудрости? Ответ, что вообще-то всё это в школе проходят, в пятом, кажется, классе, был встречен с непониманием: «Тебе что, в десять лет делать было нечего, как про наклон земной оси учить?»

Сам он в этом возрасте самозабвенно увлекался двумя вещами — футболом и рисованием, причём футбол стоял на первом месте. Сегодня от тогдашнего футбола сохранились здоровые привычки и спортивная подтянутость. Был мальчишкой-чёртёнком, закоренелым двоечником-прогульщиком, которого из класса в класс переводили за то, что безотказно писал плакаты и оформлял «мероприятия». Стал ярким мастером, высокооплачиваемым специалистом, который выводит свои нынешние успехи из весёлого, раздольного, настоящего мальчишеского детства, когда он научился главному — «надо заниматься любимым делом, а не корпеть над премудростями, которые тебе навязывают».

Свою убеждённость мой приятель подкрепляет рассказом о судьбах девочек-медалисток из их класса. Ничего из них не вышло. Одна в заштатной конторе за гроши бумаги перекладывает. Другая кое-как учительскую лямку тянет, учеников боится, они её презирают. Третья вроде бы поступала в аспирантуру, но с диссертацией не заладилось, сидит теперь на шее у матери и потихоньку попивает. А четвёртая и вовсе не смогла институт осилить, теперь детективами с лотка торгует и тоже пьёт. Ладно, пусть бы карьера порушилась, но семья удалась. Так нет же, все одинокие. Они наверняка знали, что зимой в Австралии лето, а толку?

135

Сведения
об авторах
[143 - 144]

Те, кто не вписываются

Вот где беда, которая заставляет задавать школе самые жестокие вопросы. С талантливым приятелем-дизайнером, в общем-то, всё ясно. Если бы он ещё не бравировал, как Шерлок Холмс, своей географической, а заодно орфографической, астрономической и прочей безграмотностью, вообще всё было бы в порядке. Лучше всё-таки знать, что Земля круглая, что яблоня принадлежит к семейству розоцветных, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов, чем не знать этого. Иначе «живёшь в сём мире, как впотьмах», по словам Тютчева.

Но человек с ярко выраженным художественным даром никогда не вписывается полностью ни в какую педагогическую структуру, даже самую заботливую и творческую.

Уж каким творческим, ярким, свободным был Царскосельский Лицей, ставший для воспитанников отечеством души, и то Пушкин, а с ним Дельвиг и Кюхельбекер по своим учебным успехам вечно были в конце списка. Видя талант ученика, умные наставники юного Пушкина прощали ему равнодушие к математике, а для достижений в языке и литературе находили замечательные слова: «В русской словесности не столь твёрд, сколь блистателен».

Но теперь мысленно переведём взгляд в начало списка. Кто в первом лицейском выпуске сиял отличными знаниями по всем предметам и вечно был впереди? Князь Горчаков, «счастливцев с первых дней, хвала тебе, фортуны блеск холодный не изменил души твоей свободной». Кем стал этот отличник? Канцлером Российской империи — вторым человеком в государстве. Вот то-то и оно. Это оптимальная школьная ситуация: блестящие успехи отличника предвещают большие, в том числе и карьерные достижения. Незначительные учебные успехи ярко талантливой индивидуальности будущим свершениям не препятствуют. Это нормально, так и должно быть в хорошей школе.

Нет ничего страшного, и никаких, собственно, трагических вопросов к школе не возникает, если человек не проявлял за партией особого рвения, не радовал никого оценками, но потом сумел многого достичь. Каждый человек в чём-то даровит, жизнь сложна, обстоятельства складываются по-разному... Может быть, педагоги не сумели разглядеть его дарование, может быть, оно ещё не созрело, может быть, данная личность вообще не способна учиться в коллективе. Мало ли что может быть! Нобелевский лауреат Томас Манн, почётный доктор философии сразу нескольких университетов, оставался два раза на второй год и не дотянул до выпуска. Ничего, конечно, нет приятного, что часы, дни и годы за партией были для человека мучительны или прошли впустую, но всё хорошо, что хорошо кончается.

Вопросы к школе

По-настоящему страшно, если человек проявлял в школе отличные успехи, а жизнь прошла «никак», в бесплодных надеждах, в постылой работе за копейки, в тоске, неудовлетворённости, «ни себе, ни людям». Вот тут возникают трагические вопросы. Надо не бояться громко их задавать и искать ответы. Ведь школа, обычная средняя школа — важнейший социальный институт, и всё общество, в обязательном порядке посылая туда детей, ставит перед каждым задачу — от-

[101 – 120]
Сценарии
и алгоритмы

136 ▶

лично учиться. Таков идеал. Именно отличная учёба по всем предметам стимулируется и поощряется оценками, похвалами, грамотами, медалями, а также льготами и привилегиями при поступлении в вуз.

Если ребёнок скептически смотрит на этот идеал, не уважает отличников-«ботанов», уверен, что школьное усердие ни к чему хорошему не приведёт, то в его душе возникает разлад и формируется пренебрежительное отношение к социальным идеалам и требованиям вообще. Если «ботан» честно выполнил obligation к нему требование общества, и всё это оказалось напрасно, то... об этом сказал Александр Блок: «Работай, работай, работай, ты будешь с уродским горбом за долгой и честной работой, за долгим и честным трудом».

В поисках ответов на трагические вопросы наметим несколько путей, сознавая, что разговор только начинается. Если ученику не достались от природы ярко выраженные способности, а он всё же добивается отличных оценок, значит, он проявляет выдающиеся качества собранности, воли, самопреодоления. Разве не так? В сущности, это заслуживает огромного уважения и должно обещать успех на жизненном пути.

Но нет. В будущем ничего интересного не светит, только убогая роль исполнителя, а в настоящем над маленькими тружениками смеются лоботрясы-одноклассники, занятые более увлекательными делами, чем корпение над нудной книжкой. Почему смеются? Потому, говоря прямо, что дети не сомневаются: происходящие от усердия успехи в классе только вредят будущим успехам в жизни.

В самом деле, если человек в постоянном напряжении сил тратит время и здоровье на бесчисленные и нередко бессмысленные задания, пытаясь соответствовать требованиям Марь Ивановны, то чему он учится? Тому, что на нём всю жизнь любое начальство будет верхом ездить, а он, стиснув зубы, покорно тащить седоков. Лоботрясы к тому же сохраняют независимость, здоровье, зрение, осанку, приобретают умение за себя постоять и широкий круг друзей, какого у труженика-«ботана» не бывает никогда. Ему было некогда. Он уроки учил.

Ахиллесова пята отличников

Педагоги, если присмотреться, относятся к отличникам достаточно двусмысленно. Для некоторых исполнительность и послушание — это и есть пятёрка. Дети могут и не догадываться, что мало знают, а думать вовсе не умеют. Они же всегда были «молодцы!» и получали отличные оценки — по сути дела, за добросовестную старательность.

Кстати, эти несчастные медалисты массовым образом проваливались на вступительных экзаменах. «Не подтвердил медаль». Шок, слёзы, руки опускаются, ведь он готовился сдавать только один экзамен — первый! Бывшие лоботрясы готовились сдавать всё, относили заявления сразу в несколько вузов, не ждали, что их кто-то по головке погладит. Поэтому они без нервных срывов преодолевали вступительные рифы и в институте обгоняли бедных медалистов, которые в конце концов кое-как всё же поступали.

Многие учителя ценят только таких учеников, которые по их собственному предмету показывают прекрасные знания, а другими дисциплинами жертвуют. «Ведь если он отличник по всем предметам, его на самом деле ничего не интересует» — такой отзыв приходится слышать очень часто, хотя иногда это не-

справедливо. Бывают ученики столь ярких способностей, что их выдающиеся достижения в одном предмете гармонически сочетаются с отличными знаниями по всем другим. В целом же и учитель, и ученик рассуждают резонно: если человек очень серьёзно занимается математикой или историей, надо ли тратить золотое время, чтобы выучить на отлично «двудольные и однодольные», «двудомные и однодомные»? Достаточно иметь общее представление и законную четвёрку. Пусть даже тройку.

Но что делает тот учитель, чьим предметом пожертвовали? В самом деле, по своим способностям мальчишка мог бы выучить на «пять», но не желает прилагать дополнительных усилий и доволен тройкой. Педагог постарается его заставить и добьётся своего, если захочет. «Другому за такой ответ я бы поставил три, а ты способен на большее. Садись, два». Соображения этого педагога тоже резонны: «Дело, за которое взялся, надо делать наилучшим образом, а не кое-как!»

Вот здесь самое больное место. Чему школа действительно, хотя и не афишируя этого, хочет научить наилучшим образом, — терпеливо заниматься неинтересными, ненужными и неприятными вещами. Во всяком случае это была великая традиция столь восхваляемой ныне советской школы. По-моему, она никуда не исчезла. Отличники, естественно, усваивают это лучше других, на то они и отличники. Традицию характеризовала одна совсем удивительная особенность — умение так учить интересному и полезному предмету, чтобы НЕ научить.

Эта особенность в полную силу проявлялась при изучении иностранного языка. Ну как можно годами учить язык и не выучить ни-че-го? Не знаю. Не понимаю. Наверное, особые методики нужны. Советский народ (кроме особо допущенных в спецшколы лиц) иностранных языков абсолютно, начисто, наглухо не знал, хотя поголовно учил. Зе революшен. Зе пайоны кэмп. Разночинцев не пестовали иностранные бонны и гувернантки. Тем не менее студенты и курсистки уж два-то языка, немецкий и французский, после гимназии обязательно знали. Значит, можно научить? Наша школа крайне успешно умела НЕ учить. И это неучение лучше всех впитывали отличники.

[101 – 120]
Сценарии
и алгоритмы

138 ▶